

Sex Only

Автор:

Ашира Хаан

Sex Only

Ашира Хаан

Любовь? Интриги? Психология? Нет. Только секс. Что может быть между женщиной, которая разочаровалась в любви, и мужчиной, который в любовь никогда не верил? Только секс. Что может изменить людей, которые боятся перемен? Только ли секс? Жаркая Доминикана, холодная Москва, ветренный Питер, сапфиры, шампанское и... не только секс?

Самолет

- Ваше место по левому борту, двадцать А, - профессионально улыбнулась мне стюардесса, и я прошла в салон самолета, который обещал мне уже через каких-то десять-одиннадцать часов спасение от московской зимы среди пальм, белого песка и прекрасных мулатов с "пина колладой" на подносе. У меня наконец-то был отпуск, и я летела в Доминикану!

Место у окна на длинном рейсе - прямо благословение божье. Можно поесть, почитать и потом спать до самого прилета, и никто не будет дергать тебя, чтобы сходить в туалет, попить, размять ноги. Я летала в отпуск одна, и часто мне везло - соседнее место оставалось свободным и можно было поспать с комфортом, мало еще кому доступным в эконом-классе.

Но - увы. Не сегодня. Соседнее кресло уже занимал седой мужчина в костюме и галстуке. Очень серьезный на вид, я даже мобилизовала весь свой небогатый английский, чтобы выдавить:

– May I... It's my seat near the window, – господи, наверняка опозорилась. А главное, только потом сообразила, что это чартер туроператора, тут иностранцев быть не может.

Он поспешно вскочил с места, пропуская меня к окну, где я быстро сняла зимнюю куртку, запихнула ее в рюкзак, а рюкзак под сиденье впереди и покосилась на своего соседа. Нам еще всю ночь рядом лететь все-таки.

Мужчина выглядел очень серьезно: очки в тонкой оправе, деловой костюм, какие-то невероятно солидные часы на запястье, газета у него в руках на английском, судя по заголовкам – экономическая, и на иллюстрациях сплошные графики. Вот только с возрастом я ошиблась – несмотря на то, что он почти полностью седой, скорее соль с перцем, чем перец с солью, лицо молодое. Красивый мужик. Такие как он никогда не обращают внимания на таких как я. Поэтому, когда он заметил, что я на него пялюсь, и кинул на меня быстрый взгляд пронзительно-синих глаз, я быстро отвернулась. Даже вытащила из кармашка кресла впереди журнал авиакомпании и принялась листать с бьющимся сердцем.

– Пожалуйста, пристегните ремни, переведите спинки кресел в вертикальное положение, откройте шторки иллюминаторов и выключите мобильные устройства, наш самолет готовится к взлету! – объявили по громкой связи.

Я полезла за своим телефоном – переводить в режим полета. Краем глаза я заметила, что мой сосед сложил газету, убрал в кожаный портфель для ноутбука и тоже достал телефон, чтобы выключить его. Я улыбнулась – у нас обоих была последняя модель айфона. Он тоже покосился на мой телефон и перевел острый внимательный взгляд на меня.

Я тут же перестала улыбаться.

Знаю, что он подумал.

Если более-менее приличный человек – что я хипстерша, живущая не по средствам, и взяла кредит на последнюю модель модной игрушки.

Если не очень – что я на этот айфон насосала. Вот потому и окинул меня оценивающим взглядом – понять, сколько сосать пришлось.

Я без макияжа, волосы собраны в хвост, в старом свитере, спортивных штанах и пушистых шерстяных носочках – всегда так летаю, если длинный рейс. А он даже галстук не ослабил и ботинки у него сверкают так, что способны освещать путь к аварийным выходам.

И последний айфон мне подарили на работе. Вместо премии. И я до сих пор его стесняюсь, если честно. А такие вылизанные бизнесмены пусть летают в своем бизнес-классе!

Я почему-то злюсь. Стараюсь не смотреть в его сторону, но взгляд постоянно возвращается туда, и я невольно сравниваю себя с ним.

У меня обкусанные на нервах ногти, а у него безупречный мужской маникюр.

Я читаю фэнтези в яркой обложке, а он свою газету на английском.

У меня бутылка воды «Святой источник», а у него «Перье».

Мы несовместимы по такому количеству параметров, что похожи на существ двух разных видов.

Поэтому я и сама не понимаю, как так получается, что уже через час он прижимает меня к раковине в узком туалете самолета и жестко нанизывает на такой же сухой и жилистый, как он сам, член. Я вижу свои глаза в зеркале с подсветкой. Они светлы до белизны, и только черный ободок подчеркивает узкий от яркого света зрачок.

Моя голова оттянута назад холеной рукой с дорогими часами, а синие глаза за очками ищут мой взгляд в зеркале.

Трахаться в туалете чудовищно неудобно, вот что я скажу членам клуба «10000 над землей» – тех, у кого был секс в самолете. Никогда не стремилась туда вступить, оно само.

Пальцы пытаются уцепиться за что-нибудь, но все вокруг либо слишком хрупкое – и я вырываю с мясом пластиковый держатель для туалетной бумаги, либо слишком гладкое – и пальцы скользят по краю раковины. А ему окей – одна рука тянет мои волосы, другая нажимает на поясницу, так что я прогибаюсь назад, ловя губами его жесткие губы. Он коротко меня целует и снова смотрит в глаза моему отражению, прикусывает свою щеку изнутри, стискивает кулак с зажатыми в нем моими волосами сильнее и толкается вперед в последний раз так, что я бьюсь лбом о зеркало. Он не извиняется, да и наплевать.

Меня трясет от того, что сейчас случилось. От этого жесткого секса с незнакомцем через час после того, как мы вообще увидели друг друга. От того, как он смотрит на меня этим своим пронзительно-оценивающим синим взглядом. От удовольствия, ничего общего не имеющего ни с нежностью, ни с теплотой, ни даже с оргазмами. Это какое-то другое, адреналиново-темное удовольствие, лихое и горячее. Я бы могла сейчас кончить, просто сжав бедра сильнее, но в оргазме я теряюсь, расслаблюсь, а я не хочу. Мне нравится ощущать brutальную повседневность происходящего. Каждую ее секунду. И этот холодный голубоватый свет обрамляющих зеркало ламп придает сцене оттенок киношной цветовой гаммы. Teal and orange, циан и оранжевый, все нереально, это арт-хаус, это история нимфоманки.

Я не такая. Но как мне это нравится!

Приличная девочка должна испытать нотку унижения от приземленности его действий: вынимает из меня опавший член, стягивает с него презерватив, завязывает узлом, заматывает в несколько слоев туалетной бумаги и выкидывает вместе с блестящей оберткой от него в диспенсер для салфеток. Кстати, презерватив он деловито достал из заднего кармана, как будто садясь в самолет планировал непременно там кого-нибудь отодрать в туалете. И сейчас застегивает ремень на брюках, а в голове ставит галочку в ежедневник: «Ежемесячный взнос в клуб 10000 – check!»

Я быстро натянула свои спортивные штаны, чувствуя, как мышцы сладко ноют, получила легкий поцелуй в губы и уже приготовилась выходить отсюда по отдельности, соблюдая конспирацию, но он взял меня за руку, отодвинул дверь и вот так же решительно прошел мимо понимающе улыбнувшейся стюардессы. На меня она даже не посмотрела, только пялилась на его задницу. Эй, сучка, это мое! Ну, пусть ненадолго, но мое.

Никого вообще не волнует, куда мы вместе ходили, зачем, как вернулись, потому что развозят ужин. Все эти «курица или рыба», «а можно второй томатный сок», «сэр, простите, алкоголь на борту не разрешен», «да, сейчас принесу еще молока». Наши коробочки с маркировкой в виде веселой коровки на крышке стоят на откинутых столиках, та самая стюардесса подмигивает и спрашивает:

– Кофе, чай, сок, вода?

– Яблочный сок, – говорю я.

Ненавижу яблочный сок, но в самолетах пью почему-то только его.

– Кофе. Черный, – говорит мой сосед, и я впервые слышу его голос.

Вообще-то, я совсем не такая. Я никогда в жизни не пробовала то, что называется случайными связями. У меня никогда не было секса на одну ночь. Я никогда не целовалась на танцполе с только что встреченным мужчиной. Все мои отношения начинались как положено – с кофе, поцелуя на втором свидании и постели на третьем. Именно постели. У меня дома, на нормальной кровати и белых простынях. Чтобы сначала душ, потом тоже душ, а утром завтрак. Чтобы свои шампуни, кремы, умывалки и мицеллярная вода. Свежее белье, новое полотенце, зубная щетка, любимые духи и нормальная одежда на работу, а не влезать во вчерашнее со следами страсти.

Потом можно разойтись и поразвратничать, почему нет? И минет в машине, и секс в лесу, стоя прижатой к дереву, и петтинг шаловливыми пальчиками на задних рядах в кинотеатре – я отлично умею развлекаться и совершенно не стесняюсь экспериментов в сексе. Просто все эти эксперименты должны быть с кем-то, кого я уже допустила в свое интимное пространство, кому разрешила меня коснуться.

Да и зачем мне нужны эти проходные любовники? Настоящая близость и самое лучшее удовольствие приходят, когда двое уже изучили друг друга, нашли правильные позы и приемы, попробовали все, что было интересно и научились гарантированно доставлять наслаждение друг другу. Довести меня до оргазма

не так уж просто – нужно знание, умение, терпение и главное, желание слушать, что я говорю. И то с первого раза не получится, потому что я не расслаблюсь. Не всем везет быть легко взрывающейся штучкой, но я не жалуясь, потому что потом – о, потом открываются такие горизонты...

Когда я нашла своего мужа, он искренне считал, что если все делать как в порно – результат гарантирован. Если бы мы сразу бросились в объятья друг другу – это была бы катастрофа. Даже наш первый раз был полным отстоем: он сменил десять поз за десять минут, я устала, запыхалась и у меня свело судорогой ногу, но мы не только не приблизились к моему оргазму, мы растеряли даже то возбуждение, что уже было. Так и не кончив – я уже не могла, он тоже как-то разочаровался, мы просто заснули. И попробовали в следующий раз только потому, что за время свиданий уже влюбились друг в друга и не готовы были терять это чувство из-за неудачного секса. И не сразу, совсем не сразу, мы притерлись и поняли, что и как работает для нас лучше всего.

Муж был лучший любовник в моей жизни. В браке был лучший секс в моей жизни. За несколько лет нашего брака не наберется и трех недель без секса. По объективным причинам – например, мне делали операцию, хотя уже через три дня, едва я смогла вставать, я уже отсасывала мужу прямо в больничном коридоре, спрятавшись за кофейным автоматом. Или он уезжал в командировку, а жаркий виртуальный секс, конечно, был горяч и долго потом служил нам вдохновением после возвращения, но по-честному не в счет. Я думала, это продлится до старости. Но жизнь любит обламывать наивных дурочек.

Так что я никогда бы не поверила, что могу просто встать и пойти с незнакомым мужчиной в хвост самолета, запереться там в туалете и дать себя оттрахать до искр из глаз, совершенно не думая о гигиене, оргазме и душевной близости! А он всего лишь дотронулся до моей руки...

Это долгий перелет. После еды выключают свет и почти все пассажиры засыпают. Кто-то смотрит кино, кто-то включил подсветку и читает – но это далеко впереди, в нашей части салона темно. И между нами все еще искрит.

Он снял галстук, расстегнул верхние пуговицы бледно-голубой рубашки – боже, я хочу видеть, как она оттеняет его синие глаза в солнечном свете! Стюардесса уже не раз и не два прошла мимо, как бы случайно задев его бедром, потом наклонилась так, что ее грудь потерлась о его щеку и предложила еще кофе, еще воды, второй плед. Говорят, в больших самолетах есть помещения для экипажа, где трахаться немного удобнее, чем в туалете. И очередь не встретит заинтересованными взглядами.

Но он, кажется, даже не замечает всех этих знаков внимания, ему почему-то интересна встрепанная хипстерша в растянутом свитере и искусанными – им же! – губами. Его руки постоянно путешествуют по моим бедрам, он наклоняется и шепчет:

– Я все еще тебя хочу.

А я вижу. Классический костюм недостаточно свободен для того, чтобы скрыть его стояк. И я тоже все еще его хочу. Вот прямо это...

Я тянусь рукой и сжимаю его член через ткань. Качественную такую. Сразу чувствуется дорогой материал, погладить приятно. Поднимаю глаза и непроизвольно облизываю губы – таким жаром обливают меня синие глаза. Он смотрит на мой язык, еле заметно улыбается и кивает:

– Давай-ка поменяемся местами.

Я не знаю, что он хочет сделать, но послушно выбираюсь в проход, пропуская его к окну. И только когда он накрывает меня и себя пледами, а потом нежно укладывает мою голову к себе на колени, поглаживая по плечу, я понимаю его коварный план.

Здесь так многие устроились – кто-то один из пары спит на коленях у другого, поджав ноги, а потом меняются, чтобы получить хоть немного нормального отдыха. Дети у матерей, парни у девушек, жены у мужей. И мы – притворяемся такими же. На нас никто не смотрит. Только он накрывает мою голову краем пледа, а я расстегиваю там, в душной темноте, его брюки и тут только замечаю, что белья на нем нет.

Ах вот как! Я надеваюсь ртом на его член, и слышу участившееся дыхание. Тяжелая рука ложится мне на голову, он откидывается в кресле и легко-легко надавливает, направляя в нужные моменты.

Но меня не нужно понукать, я и сама жадно облизываю доставшийся мне приз, жалея только о том, что не могу как следует его рассмотреть. Ощупываю языком – длинный, жилистый, не слишком толстый, с небольшой головкой, которую так удобно обводить по краю и выбивать судорожный вдох, чувствовать напрягшиеся мышцы живота. Шелковая кожа скользит под напряженными губами, я стараюсь не увлечься, чтобы не нарушить нашу конспирацию. Но все равно увлекаюсь, ускоряюсь, наслаждаюсь.

Я не особо люблю минет, но это не минет ради его удовольствия – это мое желание трогать и трогать, оближивать, сжимать, щекотать кончиком языка. И все кончается даже слишком быстро. Он напрягается, я чувствую, как каменеют мышцы бедер под моей щекой – и кончает. Хрипло стонет, закашливается, пряча этот стон от окружающих. А я глотаю терпкую сперму, потому что сплевывать ее некуда.

Выбираюсь из-под пледа, еще более взъерошенная, чем до этого. Он прижимает меня к себе, притискивает мою руку к своей груди и неожиданно целует – долго и крепко. Я так не привыкла, я должна почистить зубы после... всего. Но его, кажется, совершенно не волнует, где только что были мои губы.

Я откидываю кресло и довольно улыбаюсь, глядя как он застегивает свои брюки. Он поворачивается ко мне и его рука забирается под мой плед. Он убирает подлокотник между креслами, обнимает меня и шепчет на ухо:

– Твоя очередь.

Тогда я всего лишь повернулась к окну – люблю смотреть как взлетает самолет, как скучные фонари на шоссе превращаются в россыпь золотых бусин, любоваться странными узорами света в ночном городе.

Он всего лишь наклонился вперед – хотел посмотреть на взлет. Может, ему тоже нравятся огни ночной Москвы. Только меня окутало его запахом – свежим, древесным, легким, но при этом проникающе-мужским, так что я замерла и втянула носом воздух. Не хотелось выдохнуть.

Но я отклонилась, чтобы не загоразживать ему иллюминатор, и он придвинулся еще, практически прижав меня к креслу. Я думала, насколько вежливо будет указать ему, что так делать не надо, но ничего не говорила, потому что мне нравился этот запах и мужское тело, и да, у меня давно никого не было, я развелась три года назад!

Тем более, что я помнила – такие как он никогда не обращают внимание на таких как я. Вот если бы у меня был сороковой размер одежды, загар, накачанные губы, нарощенные волосы, безупречный макияж и прочие мелочи вроде обтягивающих платьев и каблуков, тогда да. Можно рассчитывать на легкий флирт, приглашение в ресторан и пару ночей в Four Seasons. Ну или хотя бы в Hard Rock Hotel.

А такие как я остаются невидимыми – недостаточно красива для женщины, недостаточно влиятельна для партнера, а также не имею внешних признаков обслуживающего персонала.

Поэтому почти лег он на меня, вжимая в окно вовсе не потому, что хочет быть поближе, а потому, что я скорее неодушевленный предмет, который мешает наслаждаться видом. Это не обидно, это нормально и привычно. Просто два разных мира. Мне его мир тоже не особенно интересен.

Но... его запах. И дыхание. Глубокое и быстрое, словно его волнует вид за окном. Меня уже нет. Я отодвинулась и закрыла глаза, я думаю о том, что надо бы купить какой-нибудь мужской аромат в дьюти-фри и нюхать иногда, чтобы в таких ситуациях не сносило крышу. Но что делать с твердой грудью, которая так беззастенчиво вжимается в мою – мягкую? Ее чем заменить?

Ладно, хватит.

Я открыла глаза, чтобы сказать ему, что, извините, мне нужно больше личного пространства... и поняла, что он давно не смотрит в иллюминатор.

Он смотрит на меня. И глаза у него непристойно, невероятно синие, таких у людей и не бывает. Или бывает, но очень, очень редко. И когда такой весь «не-для-меня» мужчина смотрит на такую всю «не-того-круга» с отчетливо читающимся желанием, тоже бывает очень, очень редко.

Почему сейчас?!

Почему со мной?!

Я ведь понятия не имею, что делают в таких случаях! И даже если я совсем не против, я не знаю, как это показать!

Я могу только опустить глаза, повести плечом, оттесняя его от себя, извиниться и закрыть шторку иллюминатора. Потому что самолет давно взлетел над облаками, и там только темнота.

И на этом все должно закончиться. И он даже отодвигается от меня, оставляя ноющее в душе сожаление о потерянных шансах.

К счастью, он как раз имел понятие, что делают в таких случаях.

Потому что через секунду он прикоснулся к моей руке, и я дернулась от прошивающего меня разряда. Мне показалось, что в кровь выплеснулось с пол-литра адреналина, сердце взяло разгон на двести ударов в минуту и... это приглашение.

И только от одного моего жеста зависит – приму я его или окончательно уйду в грезы о несбывшемся.

Я вспомнила главный урок, который вынесла из чтения Декамерона в детстве – лучше делать и каяться, чем не делать и каяться.

И сжала его руку.

А дальше все сделал он – отстегнул мой и свой ремень, вытащил меня в проход, повел в хвост самолета, затолкнул в узкий туалет, где вдвоем даже стоять тесно и первым делом поцеловал так, что зубы стукнулись о зубы, перестало хватать

дыхания – а я-то думала, это художественный оборот от тех, кто никогда не целовался и не знает, что в процессе на все хватает воздуха. Нет, это, оказывается, смотря как целоваться!

И только потом развернул меня к раковине, расстегнул ремень...

Нет, похоже, он готовился. Да и наплевать! Я хотела этого траха так, как никогда не хотела никакого секса в своей жизни. И он дал мне именно то, что надо.

Что его пальцы творят, о боже!

Он помогает мне стянуть спортивные штаны до середины бедер, заботливо укутывает пледом, но пальцы там, внизу, внутри, они занимаются каким-то совершеннейшим непотребством. Меня не надо разогревать, я уже так давно на взводе, я бы уже кончила, если бы у меня было хотя бы десять свободных секунд, чтобы стиснуть бедра и напрячь мышцы. Но он, кажется, вовсе не желает, чтобы это случилось так легко.

В то время как у меня между ног все влажно, мой клитор жаждет прикосновений сколь угодно жестких и готов выполнить свое предназначение – подарить мне божественный оргазм за авторством этого невероятного мужчины всего за три секунды, мужчина медлит. Он проводит пальцами по всей длине между ног, добирается так глубоко и далеко, куда я и не собиралась его пускать, и снова возвращается куда положено, но перебирает складочки, будто играет с ними.

– Что ты делаешь? – шепчу я, глядя на него затуманенным взглядом.

Он устраивается напротив меня, близко-близко, смотрит в глаза. Я протягиваю руку и снимаю с него очки. Но взгляд остается таким же пристальным, не приобретая наивный и потерянный вид, как у всех близоруких.

Он не отвечает, но его пальцы наконец находят такое положение, в котором они так и не касаются набухшей головки клитора, но танцуют вокруг так целеустремленно и точно, что вместо одного короткого и яркого взрыва, внутри

меня начинает расти щемящая теплая волна. Она проходит ту грань интенсивности, где был бы взрыв и все еще растет. И растет. И растет. И когда я уже не могу—не могу—не могу больше, я всхлипываю, а он закрывает мне рот поцелуем, останавливает на секунду бег пальцев, а потом делает что-то такое, что я просто превращаюсь в рай. Вся целиком. И хорошо, что мой рот запечатан, фиг бы кто поспал.

Когда я возвращаюсь в себя, синие глаза щурятся и смотрят насмешливо и пытливо.

А пальцы... продолжают. Снова издалека. Теперь они не стесняются проникать в меня, давить сильнее, двигаться жестче – но далеко от цели. И у меня есть время прийти в себя и почувствовать...

– О, да ты мультиоргазменная, – еле слышно шепчет он. – Это вызов.

И следующие полчаса я теряю себя. Я теряюсь в пространстве и во времени. Кажется, это уже не полчаса. Я в любом случае не понимаю, что происходит, и где я. Вторую его руку я закусываю, чтобы не орать, но, кажется, всхлипываю. На нас оглядывается стюардесса – это я замечаю. И на ее лице – зависть. Она-то повидала многое, ее пледом не обмануть.

Я кончаю.

Раз за разом.

Иногда мне кажется, что больше уже невозможно, но длинные пальцы доказывают мне, что я многое не знаю о своей анатомии.

– Сколько уже? Ты считаешь? – шепчет он. Когда он успел отобрать у меня свои очки и надеть их? Теперь у него очень строгий вид. Начальственный. Кажется, если я не сдам норматив по оргазмам, меня лишат годового бонуса. Или что у них там, в большом бизнесе катит за угрозы? Но я сдам...

И его член снова стоит.

Я больше не могу.

Это никогда не кончится.

Но в какой-то момент в самолете включается свет, пассажиров будят, начинают развозить завтрак, и он набрасывает плед на свои брюки, а я натягиваю штаны обратно. Мы синхронно смотрим в конец самолета на проход к туалету – но там уже выстроилась длинная очередь.

Он проводит большим пальцем по моим губам, дает мне его прикусить, и взгляд обещает – это еще не конец.

А я думаю, что конец.

Аэропорт

Самолет приземляется, к люку подкатывают трап, и мы выходим под невыносимо жаркое солнце Доминиканы. Оно сразу и ослепляет, и согревает, и обещает, что все здесь будет иначе. Зря я не переделалась в самолете. Хотя за все десять часов у меня так и не нашлось на это времени.

Одуряюще пахнет тропическим лесом и спелыми фруктами. У меня подкашиваются ноги – я имею право вообще упасть в обморок после такой интенсивной ночи. Ошалевшие беглецы из снежного ада медленно ковыляют к зданию аэропорта. Хотя какое там здание – это навес, покрытый листьями пальм, у него даже толком нет стен. Работники лениво выгружают наши чемоданы. Перспектива паспортного контроля хоть как-то организует, и люди наконец выстраиваются в очередь к будкам пограничников. Но не мы.

Он словно знает, куда свернуть, и еще не доходя до железных перегородок, вдруг заталкивает меня в неприметную дверь рядом с туалетами. Это какое-то хозяйственное помещение, где стоят инвалидные кресла, стопки пластиковых коробов, разноцветные ведра. Но тут больше места, чем в туалете самолета, и тут он выпарывает меня еще, и еще раз. Просто кончает один раз, снимает презерватив, надевает второй и продолжает без перерыва.

И даже разрешает кричать, потому что за дверью носятся и орут попугаи – мои крики просто сливаются с их гомоном. А под конец разворачивает меня лицом к себе и неотрывно глядя в глаза, внаглую доводит меня до оргазма пальцами вот так, стоя, прямо через штаны.

И вот тогда мне кажется, что это – жирная, массивная, огромная, окончательная, охренительно невероятная точка в нашем лихом приключении. Это был самый короткий и незаметный перелет за всю мою прожитую жизнь. Это самый дикий секс за всю мою прошлую и будущую жизнь. Вряд ли я когда-нибудь забуду эту ночь.

На паспортный контроль мы с ним стоим в разных очередях. Так получилось случайно, но это значит, что границу мы пройдем вместе, и надо будет как-то неловко прощаться, что-то говорить. Или просто разойтись в разные стороны? Ну хоть спасибо надо сказать?

Я опять не понимаю правил этой игры. В гостинице я бы знала, что делать – вызвать такси и уехать. А что делают в ситуациях вроде нашей?

Мы приближаемся к пограничникам почти одновременно, я прохожу к офицеру первой и подаю паспорт. Кошусь назад – и вижу, что в начале соседней очереди нарисовалось целое семейство, которое отходило на время. И так получается, что я выхожу в зал прилета первой. И решаю, что раз так – можно и не прощаться.

Мой ярко-сиреневый чемодан видно на ленте издали, гида с табличкой турагентства я тоже замечаю моментально, меня сажают в огромный автобус с затемненными стеклами, улыбаются, вручают буклеты, ожерелье из цветов и бутылку воды.

Я тоже улыбаюсь. И почти не грущу.

Я мысленно пинаю себя – не грущу совсем. Никто не должен грустить после таких приключений. Это память на всю жизнь, такого больше не будет. Но у подобных вещей есть свои правила, это я знаю. Одно из них – «не оглядывайся».

И я ведь не оглядываюсь. Я просто смотрю в окно и пью колу.

Я вижу, как он выходит в своем темно-сером костюме с бледно-голубой рубашкой, и очень жалею, что так и не оценила, как она подходит к его глазам. Потому что цвет костюма изумительно сочетается с его сединой, а все вместе, наверное, просто бомба. И галстук уже на месте. И не помялся совершенно, вот что значит хорошая дорогая вещь.

Оглядывается, ищет кого-то среди людей. Всматривается в толпы туристов, окидывает острым взглядом окна автобусов. А у меня тут шторка и темное стекло.

К нему подходит другой мужчина в костюме. Красивый. Местный – потому что мужчина черный, а костюм белый. Но от него отмахиваются. А синий пристальный взгляд все шарит по окрестностям, и я чувствую его даже тогда, когда автобус выезжает со стоянки и отправляется в мой отель.

Отель

В автобусе я тут же вырубилась после бессонной ночи. И пока оформляли номер, тоже спала, перекинув ноги через подлокотники кресла в лобби, потому что даже до дивана сил пройти не было. И успела немножко подремать в лифте в компании носильщика, пока ехали на мой этаж. И уж там, в своем номере, я моментально впала в кому и провела в ней несколько счастливых часов до вечера.

И только когда стемнело, наконец проснулась и пошла выяснять, куда же приехала.

Пользуясь моим состоянием, работники отеля спихнули мне номер с видом на ресторан и бассейн. Нормальные люди такого бы не потерпели и пошли требовать вид на океан, сад или хотя бы дорогу. Но я нет, я просто обожаю засыпать под звон бокалов и разговоры людей, иногда даже ставлю себе такие треки, когда мучает бессонница. Так что отдых начался отлично. Две недели рая!

Доминиканская республика – это турецкие курорты на максималках. Вместо моря – океан, вместо двадцати блюд из курицы – семь видов мяса, пять рыбы и не считано морепродуктов. Вместо узо и разбавленного пива – лучшие коктейли с карибским ромом, который льется рекой и стоит дешевле воды. К тому же в середине января здесь не в пример теплее Турции. А меня в отпуск выгоняют только в эти благословенные дни посленовогоднего затишья, когда никто не ищет работу, не предлагает ее и все изрядно устали от праздников. Так что эйчарам можно выдохнуть и купить тур на тюлений отдых под пальмами – восстанавливать нервные клетки. Я, конечно, люблю Европу, люблю старые города и прогулки по ним. Даже музеи люблю.

Но.

После того, что творится в нашем отделе весь последний месяц года, на отдыхе хочется только:

1. Лечь в шезлонг.
2. Под пальмой.
3. С бокалом «пина коллады».
4. Иногда купаться.
5. Все.

Я переоделась в легкое белое платье и нырнула в жаркие объятия густой карибской ночи.

Я должна была увидеть океан!

В листве стрекотали какие-то насекомые, тяжело и сладко пахли тропические цветы, из бара доносился смех и звон бокалов. Я шла по дорожке между кустами, усыпанными мелкими белыми цветами, которые, казалось, светились в темноте. Но на самом деле это неярко мерцали фонари, спрятанные среди переплетенных ветвей.

В подсвеченном голубым бассейне плескались загорелые красотки, а смуглые мачо ловили их в свои мускулистые объятия и делали это так, что хотелось отвернуться в смущении. Я прошла мимо них к пляжу, и меня тут же позвали присоединиться – какой купальник, ныряй так! Секунду или две я даже колебалась, но океан звал сильнее.

На пляже было темно. Я оставила босоножки у последнего отельного фонаря и побежала по песку, ныряя в беззвездную ночь и шум океана.

Он был большой и теплый, пах ветром, солью, дальними странами и... марихуаной?

Ой, нет, это уже не океан.

Рядом со мной из темноты проявилась белозубая улыбка, а вот владелец как ее, так и двух наглых рук, нагло схвативших меня за талию, так и остался в темноте.

– Синьора, мадам, госпожа, леди, – скороговоркой шепнул он мне на ухо. – Мисс, девушка-красотка, не желаешь развлечься! Все есть – хочешь гашиш, крэк, чего-нибудь веселенького? Хочешь танцевать всю ночь? Хочешь меня? Я сильный, я могу всю ночь танцевать, весь день тебя любить и снова всю ночь танцевать!

Ну вот зачем он мне напомнил?

Я вывернулась из объятий, меня легко отпустили:

– Захочешь повеселиться, найди меня!

И дальше пошел.

Конечно, я хочу повеселиться!

Я вернулась к босоножкам, подхватила их и...

Пошла в отельный бар.

По пути меня еще раз позвали на вечеринку в бассейне – кажется, там стало еще больше людей и еще меньше одежды. У стойки я даже задерживаться не стала, но даже за дальний столик ко мне тут же подсел белозубый темнокожий красавчик с положенным количеством кубиков на животе и привычными отточенными манерами жиголо. Сразу руку на спинку стула, моментально принести коктейль, «у тебя такие красивые глаза» и приглашение потанцевать.

Когда я только развелась, я купила большую пачку презервативов и билеты в Италию. Отпуск на работе мне нарисовали вообще без слов – только взглянув на опухшую морду и количество выкуренных сигарет. Я летела в Римини с твердым намерением истратить все презервативы в первые же три дня. Говорят, если хочешь вылечить разбитое сердце – никого нет лучше итальянцев.

Самооценку они мне обратно вернули, конечно. Но и сейчас, спустя три года и Бали, Испанию, Грецию, Кению – та пачка все еще в моем чемодане. Даже не распакованная.

Рука шоколадного красавчика ненавязчиво сползла мне на плечи. Ну да, чего время-то терять. И я тоже положила ладонь на его колено. Да, парень, одинокая женщина в баре сидит тут именно с этой целью. Это неважно, что у нее еще ни разу не получалось устроить секс-марафон на отдыхе. Может быть, именно тебе сегодня повезет. Вдруг после того безумия, что было в самолете – я смогу? Расслабиться, забить на все, оставить только жаркий секс. Вот в подсобке аэропорта реально было жарко: я была все еще в шмотках для самолетной прохлады, а температура далеко за тридцать...

Я закусила губу и чуть не застонала, вспомнив, как вбивались в меня бедра, как точно и жестко рука оттягивала мои волосы, чтобы губы могли ужалить коротким поцелуем между фрикциями.

Ох... Кажется, парень решил, что это я на него так реагирую. Сразу придвинулся, сунул мне в руку «пина колладу» и такой:

– Пойдем погуляем по пляжу?

Я, конечно, по пляжу уже гуляла, но...

– А пойдём!

Он обвил мою талию рукой, а я спешно допила бокал, чтобы алкоголь побыстрее выключил критическое мышление. Мы только на пару шагов отошли от бара под перекрестьем взглядов – завистливых, понимающих, осуждающих. Спорим, я иду на рекорд по скорости съема? А красавчик уже тычется губами куда-то мне в шею, руки сползли под платье...

...и спустя десять минут я уже в своем номере. Одна. Достала из чемодана ту самую пачку презервативов и смотрю на нее так, как будто она виновата в том, что у меня опять не получилось.

Я за всю жизнь так и не научилась трахаться без любви. А в любовь я больше не верю. Но в тридцать как-то странно хоронить себя в вечном целибате, поэтому я все еще пытаюсь.

И первый раз у меня получилось прошлой ночью. Я даже задуматься не успела, понять, что происходит, хотя моя вечная рефлексия не отпускает меня даже в самом тяжелом опьянении. Я всегда себя контролирую, и всегда успеваю понять, что – не хочу, не могу, не буду. И это все не потому, что я все еще люблю своего бывшего мужа. Не люблю.

Я с размаху бросила презервативы обратно в чемодан. Скоро уже и срок годности кончится, а я так и не представляю, что мне с этой кашей в голове делать!

И в этот момент раздался стук в дверь.

Я даже испугаться не успела – только захлопнула чемодан, метнулась к двери, открыла...

– Вы забыли паспорт в лобби, – кланяется симпатичная девочка в розовой униформе горничной.

Забрала у нее паспорт, закрыла дверь и рассмеялась.

Хватит грезить. Никто за тобой гоняться не будет – парни давно уже нашли менее долбанутых белых европейек для взаимовыгодного сотрудничества, а безумный мой любовник и думать забыл о веселой ночи в самолете. Он не я, вряд ли будет всю жизнь об этом вспоминать! Так что, расслабься, детка, и отдохни как следует.

И я расслабилась.

Когда вокруг взрывается разноцветьем природа, когда укачивает волнами океан и прожаривает тропическое солнце, когда «пина коллада» сменяется «мохито», а потом веселый бармен учит готовить «доминиканское шампанское» – ром со спрайтом, а ты потом учишь его пить и петь «ром и пепси-кола – это все, что нужно звезде рок-н-ролла!», когда утро начинается с похмелья и свежесжатых соков из всех возможных фруктов, а вечер заканчивается дискотекой и "развлечениями", которые предлагал в первый вечер пляжный торговец, можно и расслабиться, и забыть, и выкинуть все из головы.

Отпуск всего две недели, а потом обратно в Россию, в январь и в минус двадцать. Не о чем сожалеть.

Я съездила на экскурсию в джунгли, посмотреть, как в дикой природе растет кофе, какао и ваниль. На обратном пути пошел дикий дождь, и водитель долго ругался на испанском, натягивая брезент на открытый грузовичок. Мы с другими туристами передавали по кругу две бутылки рома – темного и светлого, хохотали и фотографировались на фоне мутной вздыбившейся половодьем реки.

Я съездила на экскурсию в Санто-Доминго, где главная пешеходная улочка была подозрительно похожа на Арбат, на каждом углу продавались мачете, а нависающие над тротуаром балкончики колониальных домов напоминали о латино-американских сериалах моего глубокого детства. Так и ждала, что на один из них выбежит Изаура, преследуемая жестоким синьором Леонсио.

Мне хотелось успеть как можно больше.

Я побывала на том месте, где Колумб впервые ступил на американскую землю, покормила обезьян в заповеднике, поплавала с дельфинами, купила ром, сигары и кофе, и даже не отказалась от посещения ювелирного завода, хотя это уж точно была рекламная акция по продаже ларимара – доминиканской бирюзы.

Пока другим наивным туристам впаривали уникальные украшения из камня цвета карибского моря, я не отлипала от витрин с розовыми бриллиантами, роскошными изумрудами из Колумбии, кровавыми рубинами, при виде которых сразу вспоминались чудовищные ацтекские ритуалы и еще – сапфирами. Я никак не могла отойти от стола, где на белоснежном шелке лежали серьги с камнями глубокого синего цвета. Не понимала, почему они меня так заворожили, но смотрела и смотрела, пока меня не позвали в автобус.

И только тогда, вздрогнув, очнувшись от гипноза, подняла взгляд – и через несколько прозрачных стен галерей и коридоров столкнулась с пронзительно-синими сапфировыми глазами. Седой мужчина в строгих очках и темно-сером костюме смотрел на меня, не отрываясь. К нему обращались какие-то люди в таких же деловых костюмах, на белом экране крутилась презентация, а он все прошивал меня взглядом, не давая сойти с места.

Мой случайный любовник из самолета.

Он.

Отчаявшись дозваться, девушка-гид тянет меня за руку и уводит на улицу под все еще физически ощутимым взглядом. Другие туристы уже давно в автобусе, ждут только одну потеряшку. Я единственная, кто ничего не купил, и почему-то это отягчающее обстоятельство.

– Я надеюсь, теперь все на месте, и мы можем полюбоваться своими покупками по пути в отель, не задерживая группу... – намекает гид на меня. – Но сначала мы заедем в еще один магазин, это совсем-совсем быстренько!

Мне все равно, я смотрю в окно и не знаю, чего боюсь больше – того, что он выйдет или того, что не выйдет из стеклянных дверей завода.

Он не выходит.

Автобус проезжает всего пару кварталов и сворачивает к рядам деревянных хижин, покрытых листьями пальм совсем как крыша аэропорта. Там продаются картины местных жителей: копии известных шедевров, пародии на них и немного псевдо-аутентичных работ, которые рисуются здесь же за пять минут и за пять долларов.

Мне это совершенно неинтересно. Я выхожу из автобуса только подышать. Отдышаться. Прийти в себя. Прижать бешено колотящееся сердце. Мне нельзя так волноваться, я женщина пожилая, сморщившаяся, мне нервы надо беречь. Все, к черту, больше никаких экскурсий и поездок. Досиживаю остаток дней в отеле и больше нигде не свечусь.

– Мисс!

О, господи, опять сердце вскачь. К автобусу подруливает черная машина. Новая – для Доминиканы это покруче, чем «бентли» у нас. Из нее выскакивает парень в белых штанах, белой рубашке, оранжевом сияющем галстуке и несется ко мне. В руках у него пакетик с логотипом того ювелирного завода.

– Мисс! Вы забыли, это вам, подарок, заберите, реклама! – он смешно путает английские слова и несмотря на попытки объяснить, что я ничего не забывала и не покупала, продолжает твердить, что пакетик принадлежит мне, и это единственное, в чем он уверен. А купила, подарили или реклама – уже неважно. Таки всучив мне его, он прыгает обратно в машину и та уезжает.

Ну и что теперь делать?

Я достаю из пакета бархатную коробочку, осторожно открываю ее – внутри серьги. Те самые, с сапфирами. От того, что они не освещены со всех выгодных сторон, бездонный синий цвет, затягивающий в себя как морская глубина, хуже не становится. Наоборот, на фоне пыльных листьев и грязного бока автобуса, сапфиры сверкают как инопланетный артефакт.

Возвращаюсь на свое место ошеломленная и сбита с толку. Мне есть о чем подумать. Может быть, это ошибка? Перепутали с другой туристкой, которая их купила. Мы, белые, все на одно лицо. Тогда за ними еще приедут, и я верну.

Или это все же... он?

Подарок?

Оплата?

Мой мозг так кипит, что я даже не замечаю обратной дороги.

В конце концов мне приходит в голову дикая мысль, что это попытка переправить через меня наркотики. Или контрабанду?

Но что мне с этим делать? Через границу везти страшно. Наркотиков в такую коробочку много не спрячешь, но вот вариант контрабанды более реален. Просто забыть в отеле при отъезде?

В номере я сначала прячу коробочку в ящик стола – но там могут украсть.

Потом перепрятаваю в чемодан – но это значит, что я приняла подарок. В итоге запираю в сейфе и на некоторое время успокаиваюсь.

Стук в дверь номера.

Опять.

Нет, теперь вы меня не проведете. Я прижимаю вновь бешено колотящееся сердце и иду открывать, ожидая увидеть горничную или работников ювелирного завода с извинениями и уверениями в ошибке.

А вижу – его.

Он делает стремительный шаг внутрь, захлопывает за собой дверь ногой, подхватывает меня под бедра, сажает на стол и, глядя своими невозможными сапфировыми глазами, шепчет:

– Я все эти дни думал, какая ты на вкус!

Хвала тебе, боже, за то, что на море я ношу платья!

Он стаскивает с меня белье, раздвигает ноги и жадно присасывается к клитору, так что я не успеваю даже ахнуть. И потом тоже не успеваю, потому что это в голове у меня вертятся глупые мысли про то, что я даже не успела возбудиться, что я так с налету не могу, что стресс не способствует оргазму, а вот между ног уже давно пожар и наводнение одновременно.

И все, что я с этим могу поделаться – вцепиться пальцами в седые волосы, уложенные когда-то в безупречную прическу, закрыть глаза и кончить. Примерно пять раз – или шесть – до того момента, когда я начинаю дрожать, а он наконец выпускает меня.

Отстраняется, охватывая взглядом, снимает со стола и переносит на кровать. Я цепляюсь за его шею, вдыхаю запах лайма и дерева, и кажется меня накрывает афтершоками. Ну не может же быть, чтобы я получила шестой или седьмой оргазм просто от запаха? Он отстраняется, стаскивает пиджак, снимает галстук, начинает расстегивать рубашку, не отрывая взгляда от моих раздвинутых ног.

– А где твои очки? – почему-то спрашиваю я. Я помню, у двери он еще был в них, а потом... не помню.

Он усмехается, поднимает уже брошенный на пол пиджак, достает их из кармана и надевает. А рубашку наоборот снимает, вслед за ней брюки, трусы, носки, очень быстро, но четко и аккуратно. И даже не забывает достать презерватив из заднего кармана.

– Подожди! – говорю я, когда он стягивает платье с моего плеча и высвобождает грудь. Его губы замирают в миллиметре от напряженного соска, и я уже жалею,

что заговорила. – Как тебя хоть зовут?

Он накрывает сосок горячими губами, и я даже не замечаю отсутствия ответа. Пока язык пляшет по краю ареолы, руки задирают платье, сильно и жарко гладят кожу, пальцы знакомо – о, я успела соскучиться по этому ощущению! – сжимаются на бедрах.

Он берет меня жестоко, жадно, словно стараясь напиться, наесться после недель голода. А ведь максимум – недели, это если не считать, что после меня он вероятно тоже не скучал. Такие мужчины, которые предусмотрительно везде с собой таскают презервативы, они редко скучают. Особенно в бедных странах, где отельный завтрак после ночи с девушкой— уже отличная плата за секс с красивым иностранцем.

Жгучая ревность смешивается с обжигающим оргазмом – мамочки, я же так никогда не кончаю! Но зализанная до полусмерти, я вся целиком – одна эрогенная зона, и удовольствие прошивает от каждого прикосновения, самого невинного. Что уж говорить о том, как он нанизывает меня на себя, быстро, жестко, стискивая в объятиях и снова не отрывая пронзительного взгляда за очками от моих глаз.

Я обвиваю его руками и ногами, вжимаю в себя, так что он утыкается губами мне в ключицу и тут же пользуется случаем, чтобы пройтись по коже острым языком. Но я подаюсь бедрами вверх, и еще раз, и он глухо стонет куда-то мне в шею, замирая, и я чувствую внутри себя как дергается его член.

Он поднимает голову – наконец-то в его глазах расслабленная муть, и целует меня глубоко и нежно.

– Альберт, – говорит он хрипло, как будто давно не пользовался голосом. – Очень приятно.

– Карина, – киваю я и оправляю платье, пряча грудь.

И мы долго-долго смеемся, глядя в глаза друг другу.

Я не знаю, о чем его спросить в первую очередь.

Как он меня нашел? Ну несложно, наверное, по турфирме вычислить отель, а дальше коррупция поможет.

Зачем он меня нашел? Ну он только что ответил на этот вопрос – и словами, и действиями.

Это он подарил сережки? Вообще идиотизм, а кто еще-то?

– Где серьги? Достань, – подтверждает Альберт мои мысли. – Иними платье.

Пока я лезу в сейф, он стаскивает презерватив, завязывает его, и я даже жду, что положит в пакетик и заберет с собой, чтобы не разбрасываться своей ценной ДНК в гостях у незнакомых девушек. Он же не знает, какая я, вдруг воспользуюсь случаем, чтобы забеременеть и шантажировать потом? Но он обходится, просто выбрасывает в мусорное ведро.

Я протягиваю ему открытую бархатную коробочку на ладони и сбрасываю изрядно помятое платье. Синие глаза отрываются от сапфиров и оглядывают меня с таким демонстративным бесстыдством, что становится жарко. Когда он гладил меня руками и то было не так... возбуждающе. А вот мой взгляд прикипает только к одному месту.

Но Альберт не торопится продолжать. Он прижимает меня к себе, целует в шею и очень аккуратно вдевает серьги мне в уши. Тяжелые капли качаются, когда я наклоняю голову. Мне нравится это ощущение.

– Знаю, что это пошлятина, – как-то смущенно говорит он и вновь лезет в карман своего пиджака. – Но пока я... думал о тебе... – спотыкается он об слово, и меня встряхивает от истинного смысла этого «думал». – ...все эти дни, никак не получалось отделаться от картинки в голове.

Я вопросительно смотрю на него, но он только подталкивает меня обратно к кровати. Когда я падаю на нее, он наклоняется, и на мою шею змеей скользит холодное ожерелье с сапфирами – даже крупнее, чем в серьгах. А запястья и лодыжки обвивают браслеты с синими камнями. Я голая, но на мне надета

квартира в Москве. Может, даже элитная, я плохо разбираюсь в ценах на украшения. Чертовски странное чувство, слишком киношная картинка, какая-то такая... из фильмов о знаменитых куртизанках. А я кто? Кто – я?

Альберт проводит ладонью по своим волосам, и они снова складываются в безупречную прическу. Хочу познакомиться с его парикмахером!

– Что, нравится тебе? – я демонстративно откидываюсь назад на локтях и наклоняю голову, чтобы синяя капля качнулась над плечом.

– Смотри, как, – Альберт указывает на полностью готовый к бою член.

– А ты ведь фетишист... – тяну я насмешливо. – Сапфировый фетишист, довольно дорогое извращение.

– Что?! – синие глаза яростно сверкают ярче сапфиров.

Он подтягивает меня к себе за ногу, и, пока я верещу, переворачивает на живот, приподнимает и берет сзади, как-то моментально справившись с презервативом. Я кошусь на свой чемодан. Интересно, сколько у него в запасе? Такими темпами перейдем на мои.

Сильные руки сжимают бедра жестко, до синяков. Большие пальцы ложатся на задницу, раздвигают ее, задумчивый хриплый голос сообщает:

– Надо было еще анальную пробку сделать...

– С сапфиром? – я задыхаюсь от его обманчиво размеренных движений, особенно когда параллельно им внутрь тугого колечка проникает одна фаланга пальца.

– Конечно, с огромным-огромным сапфиром... – он трахает меня все жестче, но палец входит нежно, на еще одну фалангу. – Хорошая мысль, подскажу рекламщикам для VIP-коллекции...

Его свободная рука скользит по моей спине, нажимая на позвонки и заставляя выгибаться, тереться грудью о простыни, задирая задницу все выше. Меня потряхивает от жгучей похоти, я представляю, как это все выглядит со стороны:

импозантный седой красавец четкими движениями бедер вбивается в женщину, одетую только в сапфиры. И в этом есть нечто просто нереально развратное.

Альберт что-то такое шипит сквозь зубы, уже невнятно, резко втягивая воздух, когда я повожу бедрами, а палец входит еще глубже.

Потом он резко вынимает его и внутрь скользит горячий язык. Я вся сжимаюсь от невероятных ощущений, и Альберт кончает, кажется, неожиданно для себя самого. Падает сверху, прижимая всем весом к кровати.

- Хочешь еще? - рука пробирается между нашими телами и ложится на мой лобок. Но мне интересно другое:

- VIP-коллекции? Сапфиры? Кто ты вообще такой?

Альберт отодвигается, молча встает, уходит в ванную, там шумит вода. Он возвращается, поправляет подушки, ложится, закидывая руку за голову и притягивает меня к себе, целуя в макушку. Накидывает на нас одеяло - кондиционер все-таки дует. Все это время я жду ответа. И поворачиваюсь к нему, требовательно глядя в сапфировые глаза. Ожерелье нагрелось на моей коже, уже не холодит ее. Просто лежит - такое прекрасное, такое тяжелое.

- Неважно, - наконец отвечает он.

И между нами резко холодает. Конечно, неважно. Кто я такая? Можно задорно перепихнуться в самолете, можно повторить через недельку, заодно поиграть в свои фетиши. Но раскрывать душу? Имя - это уже слишком много. Тем более, его редкое имя. При определенном упорстве и любопытстве можно все найти в интернете. Но я не буду, мне неинтересно.

Спасибо, что одернул.

Я отодвигаюсь и начинаю снимать с себя браслет. Одной рукой неудобно. А если двумя и ожерелье? Застежка путается в волосах, я в сердцах дергаю, но только вырываю клочок волос. Черт!

- Карин, ты чего? - он ловит мою руку и успокаивающе поглаживает.

- Хочу отдать тебе.

- Это подарок.

- Серьги?

- Нет, все вместе. Хочу еще трахать тебя в них, раз ты раскрыла мой страшный секрет про фетиш.

Его глаза смеются, а мне не смешно.

- Нет, - отрезаю жестко. - Это слишком дорого.

- Ну как нет? - удивляется Альберт, и раз с рукой не сработало, гладит меня по нижнему полушарию груди кончиками пальцев. Очень нежное и будоражащее ощущение. Я вдыхаю и забываю выдохнуть, когда он переворачивается и оказывается сверху. Пальцы скользят вниз и вниз, и они явно знают, что делать, чтобы уже через десяток секунд я застонала, выдыхая обиду и напряжение.

- Куда я это теперь дену? - улыбается этот наглец. - Предлагаешь продать приличным людям после всего того, что я делал с тобой в них?

- А что особенного ты делал?

- Ну, еще ничего не кончилось... - многообещающе улыбается Альберт, и пальцы скользят дальше, делая много-много всего особенного.

И после некоторых вещей, которые мы творим, продавать эти украшения невинным покупателям действительно грех.

Не понимаю, как мужчина его возраста - впрочем, я точно не знаю, какого, но явно же больше тридцати - может заниматься сексом столько раз подряд и почти без перерывов. Мои подозрения о том, что не зря у него по карманам презервативы, и вовсе не скучал он неделю без меня, только укрепляются. С таким либидо для него, небось, и день без секса - трагедия. Но я не хочу об этом думать.

Да и не успеваю – Альберт затрачивает меня до состояния, когда я уже не могу ни кончать, ни стонать, ни даже передвигаться, не покачиваясь. То, что было в самолете – оказывается, цветочки. А лишние мысли растворяются в темной неге и расслаблении.

– А в ванную ты меня на ручках отнесешь?

– Хочешь – отнесу, – лениво отвечает Альберт.

Кстати, у него по карманам реально распихано очень много презервативов. Очень. Нет – ОЧЕНЬ.

Но я все-таки встаю.

Его голос нагоняет меня уже в дверях ванной:

– Поехали завтра на яхте кататься? Морских звезд посмотрим.

– На яхте? – мне приходится ухватиться за косяк, чтобы не упасть.

– Ага.

– Твоей?

– Нет, конечно. Я что, больной, держать яхту на другом конце мира?

– Ну... давай.

– Хорошо, тогда я утром за тобой заеду.

И когда я выхожу из ванной, его уже нет.

Из меня как будто сразу выпустили воздух. Я прислонилась лбом к дверному косяку и даже немножко об него постучалась.

Что это было? Что. Это. Было.

Я же не собиралась...

В комнате все пропахло сексом. Постель смята, стол шатается, за содержимое мусорного ведра стыдно перед набожными католическими горничными. Но все кончилось, смерч разметал все вокруг себя и унесся, и тишина просто звенит в ушах.

Я завернулась в покрывало и пошла открыла балконную дверь. Пусть проветрится и от запахов, и от невыносимой тишины. Комнату заполнил привычный звон бокалов и смех из бара внизу, а я только спохватилась, что драгоценности до сих пор на мне. Уже без нервов, спокойно, расстегнула замочек на ожерелье, сняла браслеты, вынула серьги и сложила все кучкой на столе. Отошла подальше как от ядовитой змеи.

Что.

Это.

Было.

Я взрослая разумная женщина. Со взрослыми разумными женщинами не случаются миллионеры, которые за одну ночь – ладно, две, – дарят драгоценности.

Ребенка, бывает, дарят.

Венерическое что-нибудь.

Цветы.

Цепочку с кулончиком – максимум.

Некоторым, говорят, деньги оставляют. Вроде как на такси. Но это в каких-то особых условиях – когда ты молодая и красивая снимаешься в клубе, а тебе компенсируют твою молодость и красоту взрослые и богатые.

Легенды про подаренные шубы и мерседесы, конечно, ходят, но на то они и легенды.

Тем более, мне тридцать.

Тут восемнадцатилетние модели с силиконом, ботоксом, рестилайном и отбеленным анусом получают меньше ништяков за сопровождение папиков в поездках. Ну, может, совсем знаменитым и преподносят что-нибудь роскошное, но где я, и где они?

У девицы в «Пятидесяти оттенках серого» была внутренняя богиня, а у меня старая подруга Паранойя. Новые времена, новые герои.

Она поднимает голову и задает мне неудобные вопросы.

Может быть, это действительно такой способ контрабанды – подсовывать женщинам драгоценности, чтобы они перевозили через границу, а потом как-нибудь забирать?

Может быть, он просто заставит вернуть подарки, когда наши каникулы закончатся?

А может быть, это вообще подделка?

Я осторожно приблизилась к таинственно мерцающей горке камней и золота на столе, как будто боясь, что ожерелье набросится на меня и задушит. Взяла браслет, посмотрела через него на свет – темно-синяя глубина превратила мир в сапфировый сон. Даже пальма напротив балкона показалась выточенной из огромного куска драгоценного камня. И где-то по краям, где синева сгущалась до цвета ночного неба, казалось, перемигивались заточенные в камень звезды.

Блин, я не специалист, конечно, но если бы дешевые подделки так выглядели, я бы увешалась бижутерией с ног до головы.

Эту версию моя подруга Паранойя тоже с сожалением отвергла.

Может быть, он просто пускает пыль в глаза? Драгоценности, машина, яхта – все это можно взять напрокат, чтобы впечатлить доверчивую простушку и развести ее на жаркий секс, чтобы старалась активнее за шанс стать подругой олигарха. Миллионеры, в конце концов, не летают туристическими чартерами, в которых даже бизнес-класса нет.

В эту теорию, кстати, отлично вписывается его загадочное поведение «мое имя слишком известно, чтобы его называть» и ледяное «неважно», о котором я, конечно, не забыла. Просто отложила тогда ненадолго, чтобы сейчас достать и как следует об него помучиться.

Вот и отлично, все сходится.

Моя подруга Паранойя довольно кивнула, пожала мне руку и исчезла, оставив одну.

В сухом остатке у меня что?

Волшебный секс.

Густой, дикий, безумный, невероятный секс.

Меня устраивает.

Теперь, разложив все по полочкам, я повеселела. Терпеть не могу ничего не понимать.

Достала из мини-бара бутылку апельсинового сока, завалилась в ворох простыней и потянулась как довольная сытая кошка, чувствуя, как отзываются искрами не до конца разрядившегося удовольствия некоторые места в теле. Мммм... и завтра мы продолжим... Жизнь-то налаживается!

Вот только зачем?

Молнией прострелила вдруг мысль – мало ли что там у тебя сходится!

Зачем это все – ему?

Секс можно получить и проще.

Что еще ему надо от меня?

Машина

Утром меня разбудил звонок с ресепшена: «Вас ждут в лобби».

Увлеченная накануне параноидальными мыслями и рефлексией, я забыла поставить будильник. Я забыла даже подумать о том, что не знаю, на какой час ставить будильник! И конечно наши великолепные хрен-знает-что-это-было отношения с Альбертом не предполагают, что у меня может быть его номер телефона? Отлично!

Взвинченная, сонная и злая я собралась моментально. Купальник, платье, шляпа, крем от загара, босоножки и сейчас я ему все выскажу!

Краем глаза взглянула на время на экране телефона – одиннадцать.

Кхм. Ну ладно, пусть живет. Я ведь и завтрак умудрилась проспять. И вовсе не потому, что всю ночь ворочалась и думала, как нам дальше жить. Неа, я вырубилась и проспала двенадцать блаженных часов, пока организм лечил мое пост-оргазмное нервное истощение.

Хотя... Мог бы и сам подняться за мной!

Вообще-то даже секс-онли отношения не предполагают, что я должна все сама-сама. В общем, вниз я спустилась голодная, злая, растрепанная, но зато выпавшаяся. А стоило подумать, что где-то там в Москве мои коллеги встают в семь утра, едут по ледяным черным улицам на работу, где рассветает к обеду, а потом сразу же темнеет обратно, месяцами не высыпаются и манго с маракуйей видят только бледные, сморщенные в картонной коробочке за бешеные деньги,

как отличное настроение вернулось обратно и привело с собой маленькое противное злорадство.

В лобби я искала взглядом костюм, седину и синие глаза, но не нашла. Не поняла? Как-то меня очень быстро бросили, не? Видимо, у меня сделался настолько растерянный вид, что один из работников отеля даже вышел из-за стойки, чтобы спросить, что случилось. Точно, мне же кто-то звонил. Вот, пожаловалась я, позвали, а теперь никого нет. Парень как-то сразу расцвел улыбкой, подобрался весь и радостно указал на улицу, где рядом с сияющим черным «мерседесом» мялся шофер в фуражке и с табличкой «Karina». Я даже поняла, чего он так обрадовался – у меня неплохой отель, но шофер в фуражке это прям класс намного выше.

Я сделала обратно расслабленное лицо, как будто это кто-то другой тут нервно заламывал руки, что бросили, оставили, забыли, и выпорхнула с независимым видом. Шофер распахнул передо мной дверь, я нырнула внутрь и разочарованно выдохнула – в машине никого не было. Эй, а мои утренние поцелуи и скандал, что не предупредил?

Кстати, подруга Паранойя тоже села рядом и ненавязчиво предложила еще вариант, что это все была предварительная обработка, чтобы я села в машину. А сейчас меня отвезут в подпольную клинику и разберут на органы. Одна почка отобьет стоимость сапфиров! Наверное.

К тому же сапфиры можно забрать прямо из номера.

А может быть, в бордель продадут.

Хотя нет, с борделем я опять загнула. Старовата я для борделей.

Между мной и шофером поднялось затемненное стекло, и я прямо с большим сожалением подумала о том, как бы тут на белой коже широкого заднего сиденья мне в дороге пригодился бы Альберт...

Машина ехала по пыльным дорогам мимо домиков, сколоченных из разнокалиберных кусков пластика и фанеры, мимо вывешенных как белье на веревках длинных лент сушеного на солнце мяса, мимо женщин, идущих вдоль дороги с корзинами на голове, мимо перегруженных старых мотороллеров, едва

тянущих трех, а то и четырех пассажиров сразу, мимо миленьких колониальных домиков с верандами, на которых уютно стояли кресла-качалки. Правда веранды были забраны толстыми решетками, а рядом с креслами угрожающе стояли прислоненные к стене мачете. Наверняка в тех домиках, что побогаче, со спутниковыми тарелками на крыше, в прихожей еще держат ружье.

Так и вижу – выходит вечером какая-нибудь седая старушка на веранду, в одной руке ружье, в другой бокал с ромом, садится в кресло-качалку и смотрит на то, как мимо течет жизнь. Например, еду я в новеньком «мерседесе», который на фоне всей остальной местной обыденности выглядит как неумело приклеенная вырезка из глянцевого журнала.

Как это ни странно, но привезли меня все-таки в порт, а не в подпольную клинику. И там с самой красивой, на мой взгляд, яхты по сходням сошел прекрасный принц в белых штанах, распахнутой белой рубашке и алой бандане, скрывающей седые волосы. Так Альберт казался совсем молодым – не серьезным бизнесменом как в самолете, а красавчиком из журнала с нереального оттенка синими глазами. Синее, чем море.

Яхта

Он тянет меня за собой, а пальцы поглаживают мою спину под тонкой тканью платья. Вслед за нами втягивают сходни, перекидывают канаты, перекликаются одетые в белое матросы на яхте и полуголые портовые парни в драных джинсовых шортах на берегу. Прямо два разных мира, между которыми растет синяя полоска моря, пока яхта отходит от причала.

– Шампанское? Фрукты? Хочешь что-нибудь поесть? – Альберт достает бутылку «Вдовы Клико» из серебристого ведерка со льдом, разливает в узкие высокие бокалы, подает мне один и чокается вторым.

– А почему ты без очков? – глупо спрашиваю я, потому что их тонкие стекла, оказывается, защищают меня от сумасшествия его глаз. На солнце они приобрели оттенок, которого в природе почти нет. Таким бывает зимнее небо перед закатом, самые редкие сапфиры и вот, глаза Альберта.

– Я в них, – смеется он и натягивает круглые зеркальные очки, лишая себя преимущества запрещенной магии.

И у меня даже включается обратно мозг. Я думаю – пффф, «Вдова»! Его даже я себе иногда покупаю в «дюти-фри», не так уж дорого. Вот если бы «Дом Периньон»... Недостаточно хорошо отыгрывает роль миллионера, кажется, мы с Паранойей правы.

Но включается он ненадолго. Мы стоим слишком близко. Несколько глотков шампанского и отсутствие завтрака кружат мне голову, соленый морской ветер взвихряет волосы.

Я делаю еще шаг, Альберт делает еще шаг, бокалы у нас в руках сталкиваются и звенят, я смотрю на свое отражение в его очках и спустя несколько мгновений дрожащего между нами напряжения, мы не выдерживаем и набрасываемся друг на друга.

Куда-то в сторону отлетают его очки и моя шляпа, теряются в никуда бокалы, его часы царапают мою кожу в самых непредсказуемых местах, мои ногти царапают его кожу вообще где попало, алая бандана уносится по ветру как парус, губы ищут губы, зубы находят кожу, пальцы оставляют синяки на бедрах.

– Осторожно, ступеньки!

Мы почти скатываемся по лестнице вниз, в каюту с иллюминаторами у самой поверхности воды. Я вижу, что где-то там есть роскошные белые диваны, подсвеченные сиреневым, подушки, густой ковер, но мы не доходим до этого оазиса даже тех двух метров, что разделяют нас, это слишком далеко, все равно что на Марсе. Едва над головой захлопывается дверь, и гортанно и глухо за ней смеются матросы, Альберт вжимает меня в ближайшую стену, задирает платье, отодвигает мешающую полоску купальника между ног и пригвозждает меня собой к деревянной переборке. Про презерватив он не забыл, а вот выплюнул зажатую в зубах обертку только сделав несколько первых жадных движений внутри.

Задницу мне холодит медная полоса, проходящая по всей длине стены, но мне наплевать – в узком коридоре я могу упереть ногу в противоположную стену и так же жадно трахать Альберта, как он трахает меня.

Пляжное платье создано для того, чтобы легко сниматься, эластичная ткань купальника легко выпускает мою грудь наружу, а я распахиваю до конца его белую рубашку, чтобы вжаться в горячее тело. Но мне не дают – Альберт разворачивает меня спиной, и теперь я упираюсь ладонями в стену, когда он берет меня сзади. Оборачиваюсь, чтобы поймать синий взгляд, попросить глазами – и он понимает, чего я хочу даже раньше, чем я понимаю сама. Наматывает волосы на руку, тянет к себе, впивается в губы жадно и горячо, прикусывает мой язык и кончает, прижимая меня грудью к теплому дереву.

Единственное, что на мне осталось из одежды – трусы от купальника. Остальное он собирает с пола, сгребает меня в охапку и в конце концов мы заваливаемся на эти белые диваны. Все еще со сбитым дыханием, ошеломленные этой неумолимостью притяжения.

– Прости... я что-то быстро, – хрипло выдыхает он, целуя мое плечо там, где выступающие детали его часов оставили саднящие царапины. – В следующий раз, обещаю...

– Зачем тебе вообще на пляже часы? – прерываю я, стараясь не пускать в голову мысль о том, что они просто удачно дополняют фальшивый образ, который он пытается создать у меня.

– Не знаю, – он пожимает плечами с каким-то недоумением, расстегивает ремешок и бросает часы на стол. – Привычка, что ли?

Очень правдоподобно звучит.

Хороший актер.

Или все-таки я не права?

В каюте нет шампанского, поэтому мы все-таки выползаем из нее на свет божий. Заодно я понимаю, почему он не поднялся за мной в номер. Иначе мы бы просто никуда не поехали.

Может быть, это и к лучшему? Потому что сейчас нам предстоит – разговаривать. Не только стопами и вздохами, касаниями и сплетенными телами, а прямо словами. А будет ли о чем?

Пока мы увлекались друг другом в каюте, яхта выбралась на морские просторы и вокруг раскинулось бирюзовое море. Такое количество оттенков от лазури до изумрудной глубины я, кажется, не видела еще ни в одном уголке мира. Над головой безоблачное небо соревнуется в яркости с морем, и я бы не решилась присудить кому-нибудь из них победу.

Не знаю, есть ли места на свете еще ошеломительней и сказочней? И самое главное волшебство – то, как обнимают меня за талию сильные руки, как мужские губы нежно касаются загорелой кожи на плечах, как смешиваются запах моря и запах этого мужчины, навсегда впечатывая в меня воспоминания. Не знаю, смогут ли мне после смерти предложить в рай что-нибудь еще более прекрасное? Может быть, тогда рай и не стоит того?

– Смотри, там уже отмель, – все-таки это у него от природы низкий, чуть хрипловатый голос, как будто постоянно слегка царапающий меня изнутри. – Сейчас подойдем поближе и отправимся нырять за звездами.

– погоди, мне надо солнцезащитным кремом намазаться, – я лезу в сумку, ищу свой тюбик, поднимаю глаза... и понимаю, что если я сейчас попрошу его помочь, то никаких нам звезд и купания. – Давай я сама?

Он уже где-то нашел свои круглые зеркальные очки и сейчас смотрит на меня поверх них с упреком. Кстати, моя шляпа тоже лежит на столе, прикрывая шампанское в ведерке от солнца. А вот алая бандана, кажется, с концами. Будет мне любовник с солнечным ударом.

Я заперлась в туалете рядом с каютой, поправила купальник, намазалась с ног до головы кремом, и не смогла оторвать глаза от своего отражения в зеркале. Так и стояла как дура, пялилась на эту юную загорелую девочку со счастливыми глазами и обгоревшим носом. На вид – лет на пять младше своей фотографии в паспорте. А ведь тогда, после развода, я за год так резко догнала, а потом и перегнала свое фото, что мне алкоголь без документов стали продавать.

Альберт, кто бы ты ни был, но ты делаешь меня счастливой. За это можешь быть кем угодно.

Альберт. Аль. Алик? Альб? Катаю на языке его имя, никак не могу найти сокращенный вариант, который бы ему подходил. Звать его милым, солнышком или зайкой тоже как-то... не того. Вот и приходится сокращать совсем радикально – выдохнуть во время оргазма длинное «Аааааа...» Но надо же как-то и в мирной обстановке обращаться? Я все больше увязаю в каких-то мелочах, в признаках близости, на которые мне никто не давал разрешения.

Выхожу на палубу вся замороченная-замороченная, но вижу Альберта в одних плавках и новой бандане – голубой – и теряю дар речи, рассыпаю по теплым доскам все заморочки. Да, я не смогла оценить его в той рубашке, но могу сейчас – светло-синий цвет идет ему невероятно, в глазах появляются новые оттенки, будто бушует море. Не это – бирюзовое, а северное, темное.

Он подходит ко мне, замершей на полушаге, не в силах отвести от него глаз, поднимает одним пальцем мой подбородок, прикасается губами к губам, нежно-нежно... и вдруг хватает меня в охапку и прыгает в море!

– А-а-а-альберт, твою мать, да ты псих! – я отплевываюсь от воды, барахтаюсь и... встаю на ноги. Совсем недалеко от яхты, но мелеет тут стремительно – пять метров в сторону и можно нырять в глубину или стоять здесь по пояс, оглядываться. Во все стороны – нереальных оттенков Карибское море. Я где-то между землей и небом – и ближе все-таки к небу.

– Осторожно, не поднимай ее из воды, на воздухе она погибнет, – Альберт уже нашел звезду, пока я барахталась и ругалась и теперь протягивает мне ее под водой.

Огромную! Я не думала, что они такие большие, нужно держать двумя руками. Пухлая, красно-оранжевая – совсем не похожа на бледных сушеных звезд в средиземноморских сувенирных лавках. Она ничего не делает, индифферентно лежит – такая же яркая и нереальная, как все вокруг. Словно создатель нашего мира начал раскрашивать реальность, начав отсюда, и пока еще не жалел красок. Это ближе к России и зиме пришлось экономить и некоторые места оставлять не раскрашенными.

Я качаю в руках звезду и отпускаю ее домой.

Альберт подходит, закидывает мои руки себе на шею, а свои кладет мне на задницу и вжимается в меня бедрами. Я чувствую, как там под водой твердеет его член. Интересно, он вообще о чем-нибудь другом может думать?

Ммммм...

А я-то могу?..

Где вообще осталась женщина, для которой главным было – душевное и интеллектуальное родство? Мы с этим вот синеглазым и загорелым обменялись едва ли десятком фраз, и в основном – техническими в процессе секса. Здесь не только звезды иные, здесь даже я другая – словно карибская девушка, которая радуется жизни и не думает о будущем. Легко о нем не думать, если никогда не видела снега.

Я бы с удовольствием погрузилась сейчас в безнадежную рефлексю и древнерусскую тоску, но «этот вот синеглазый» не дает. Сдвигает купальник на груди и прикусывает мой сосок как будто требует обратить на него внимание. Твердый член вжимается между моих бедер, толкается внутрь и нет желания более сильного, чем наплевать на все и...

– Голодная? – спрашивает Альберт хрипло.

Его член уже практически во мне, мешают только два слоя полиэстера и наш здравый смысл. И здравый смысл уже кончается.

Его руки тискают мою задницу так, что я вспоминаю единожды испробованный антицеллюлитный массаж, после которого ходила вся в синяках, но мужские руки и с таким жаром – это намного приятнее!

Его глаза выжигают во мне дыры с синими оплавленными краями.

Так что он там спросил?

Господи, конечно, голодная!

Лесенка на палубу становится нашим невыносимым испытанием – я лезу первая, и тут же чувствую, как с меня буквально стаскивают купальник. Мы зависаем на середине, бешено целуясь, и от того, чтобы трахнуть прямо на лестнице нас останавливает только то, что у Альберта, на удивление, не припасен в кармашке плавок презерватив. Я прямо-таки удивлена.

Зато уже на яхте я вижу, что над главной палубой натянут белоснежный тент, под ним накрыт стол, крышки на блюдах пускают солнечные зайчики, тает лед в ведерке с новой бутылкой шампанского, и до меня доходит, что вопрос был – внезапно! – не про секс.

Хотя уже без разницы, потому что жалких остатков здравого смысла хватает исключительно на то, чтобы все-таки добраться до этого тента, а не начать трахаться прямо под злым доминиканским солнцем.

Едва оказавшись в тени, Альберт стаскивает с меня верхнюю часть купальника и впивается губами в сосок почти с рычанием. Я освобождаю из плавок его член, и тут замечаю, что вообще-то на нас смотрят как минимум трое из команды – рулевой в кабине, парень с подносом, выходящий с камбуза, и просто матрос, который лениво шлялся по яхте, когда мы решили устроить представление.

Альберт следит за моим взглядом – очень уж не вовремя я прервалась — и коротко бросает:

– Они отвернутся.

– Надолго? – насмешливо спрашиваю я, и синие глаза темнеют. Оу, черт, он же решил, что я намекаю на стремительность нашей утренней встречи...

– Сошлю всех вниз! – рычит он, что-то бросает наблюдаящим на испанском, и те послушно спускаются по лестнице.

– А рулевой?

Альберт машет парню в рубке, тот разводит руками.

– Мы же врежемся в кого-нибудь! – пугаюсь я, когда парень просто бросает штурвал яхты.

– Да и черт с ним!

Я, конечно, совершенно согласна, тем более что мои руки уже накрывают торчащий член, и в круг моих интересов больше не входят кораблекрушения. Но Альберт делает знак, и рулевой возвращается, яхта потихоньку останавливается, замирает, только покачиваясь на волнах. Вокруг никого и ничего, только синее море.

И я старательно не думаю, что команда обсуждает, собравшись внизу. Особенно, когда меня разворачивают, укладывают животом на свободное место между блюдами на столе и дерут так, что на белоснежную скатерть выплескивается ярко-оранжевый соус, а из ведерка с шампанским рассыпаются кубики.

Соус, конечно, немного жаль. Он был манговый, и так изумительно подходил к креветкам, что за остатки мы с Альбертом только что не дрались. Я победила, потому что вовремя сделала красивые глазки и поинтересовалась, неужели он вот так же пожалел бы мне спасательную шлюпку на тонущем «Титанике»? Пока он переживал мою феерическую наглость, соус я доела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.com/ru/haan_ashira/sex-only

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)